

НАРОДНАЯ МЫСЛЬ

Выходитъ ежедневно, кромѣ субботы.

Адресъ редакціи и конторы:

Рига, Мал. Новая 6, Тел. 37-38.
(RTgB, M. Jauna ielā, 6).

Подписная плата въ мѣсяцъ:

Въ Латвіи Ls. 200 (100 p.)
За границей Ls. 250 (125 p.).

Контора открыта отъ 10 час. утра до 6 час. веч.

Пріемъ по дѣламъ редакціи ежедневно отъ 4 до 6 час.

Рукописи не возвращаются.

Цена объявленій

за строку пети́та или ея мѣсто:

въ текстѣ	Ls. 1.= (50 p. латв.)	} +5% гог. налог
позади текста	-.30 (15)	
предл. труда	-.10 (5)	
спросъ	-.24 (12)	

Театръ и искусство.

Тутъ и Дуняша, заразившаяся нервною дворянъ, „руки у нея бѣлыя и сама она такая безпокойная“...

Постановка этой пьесы почти невозможна въ провинціальномъ театрѣ. Нужно огромное количество репетицій, чтобы создать симфонію звука, шороховъ, вздоховъ, чтобы одной лопнувшей гдѣ то струной передать впечатлѣніе, какъ бы обрвавшейся жизни, съ ея чаяніями и упованиями.

Тутъ необходима глубоко прочувствованная налаженность тона, тутъ требуется благоговѣйная настроенность, всѣхъ сердецъ, тишина передъ грозой, которую чувствуютъ птицы, — вся природа.

„Вишневый садъ“ это больше, чѣмъ высокохудожественное произведеніе искусства — это л и т у р г и я, это священнодѣйствіе, это умиленность духа, это почтительная тишина, въ которой нужно учуять шаги смерти.

Одинъ изъ русскихъ писателей сказалъ мнѣ на представленіи „Вишневаго сада“ (въ пріѣздѣ Москвичей въ Петроградъ), послѣ второго акта, что за кресломъ каждого слушателя (ему чуялось) стоялъ ангелъ его души и тихо плакалъ...

Для исполненія „Вишневаго сада“ необходимъ н о в ы й актеръ съ н о в о й психологіей, необходимо самоограниченіе, отказъ отъ своей индивидуальности во имя единого соборнаго переживанія.

Нужно усвоить новую технику жеста, грима, мимики, дикціи, чтобы выявить всю красоту и бездонность трагизма въ творествѣ гениальнаго Чехова.

Вѣдь онъ создалъ н о в у ю трагедію.

Конечно и артисты русской драмы не дали той святой тишины, трагическаго умиленія, рокового шелеста безшумной смерти, необходимыхъ для Чехова, какъ и для Метерлинка.

Они выказали себя хорошими актерами, но не для Чехова.

Кирсанова по внѣшности хорошая Раневская, но ея истеричный плачъ выдвигалъ а к т р и с у, а не трагедію.

Когда Раневская говоритъ: „мой милый, мой нѣжный прекрасный садъ! Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай! прощай!“ чувствуется, что у каждого изъ насъ былъ свой вишневый садъ, свое щемящее тоскою прошлое, котораго не пощадила жизнь, суровая, бессмысленная. И тутъ уже передъ нами трагедія всего человѣчества.

Гаевъ очень хорошъ, но... онъ долженъ быть лучше и симпатичнѣе. Онъ увлекаетъ и сестру и племяннику увѣреніями вполне искренними, что онъ не допуститъ продажи, и ему вѣрятъ. Въ деталяхъ: „пахнетъ пачулями“, „селедкой“, въ презрѣніи къ интернаціональному хаму Яшкѣ долженъ больше чувствоваться баринъ. Также и поговорка: „кого?“ требуетъ той же барской брезгливости. Рѣчь къ шкафу не удалась.

Л о п а х и н ѣ грубовать въ исполненіи Освѣдимаго. Лопухинъ почти влюбленъ въ глаза Раневской и ея душу, онъ обожаетъ Вишневый садъ, онъ помогаетъ радикальному студенту.

Лопухинъ изъ той породы купцовъ, которые создали труппу Станиславскаго. Самъ Станиславскій мнѣ говорилъ о Лопухинѣ, какъ о новомъ купцѣ. Неудачное объясненіе съ Варей растянута мимической игрой и дасть невѣрное толкованіе отношеніямъ Лопухина къ Варѣ: ему просто некогда объясниться.

Г. Яковлевъ отошелъ далеко отъ сложившагося образа Епиходова.

Гримъ и костюмъ напоминаютъ итальянца-шарманщика, а не русскаго конторщика-трудовика.

Онъ не говоритъ „насъкомая“ и въ последнемъ актѣ фраза о тараканѣ прибавлена артистомъ, что по отношенію къ Чехову-классику недопустимо. По тексту Епиходовъ воетъ, а не поетъ...

Безукоризненъ Фирсъ (Бѣльскій), онъ не уступилъ бы въ сравненіи съ Фирсомъ Моск. Х. театра.

Вполнѣ удовлетворяетъ чеховскому замыслу и студентъ Трофимовъ (Тереховъ), и гримъ и читка, и внѣшность безупречны. Надо бы ярче подчеркнуть „чистюльку“ и мягче поддразнивать Варю. Хороша Аня, ей можно бы пожелать большей идейной увлеченности „новымъ садомъ“...

Яша (Греанинъ) вполнѣ приличенъ; и Дуняша (Захарова) дала надлежащій образъ.

Хороша Варя (Рюдбергъ) и по гриму, и по движеніямъ, и рѣчи, и интересно затаенной сердечной тоской.

Шарлотта Ивановна (Астарова) почти ни въ чемъ не уступала артисткѣ М. Х. театра, но нужно сильнѣе подчеркнуть трагедію одиночества (Что я? Кто я?).

Красоченъ и характеренъ Симеоновъ-Пищикъ (Астаровъ). Декораціи хороши и стильны. Въ общемъ хорошо, что вспомнили о Чеховѣ. И публика тоже откликнулась. Solus.

Русская драма.

Вишневый садъ.

Въ пьесѣ нѣтъ ни одного выстрѣла, ни одной смерти, публикѣ открыта возможность смѣяться, а между тѣмъ „Вишневый садъ“ — пьеса глубоко-трагическая, это — трагедія рока, это — страшная катастрофа, разразившаяся надъ цѣлой группой людей, — хорошихъ, чуткихъ нѣжныхъ, не чуждыхъ высшихъ стремленій, объединенныхъ общей любовью къ семьѣ Гаевыхъ и ихъ „вишневому саду“, стародавнему строю русской жизни.

„Вишневый садъ“ — это пророческое предвидѣніе конца, — неустранимаго несчастья, — это свѣтлая осень, съ тихимъ прозрачнымъ воздухомъ, въ которомъ несутся тревожныя паутинки и гдѣ-то вдали вѣетъ дыханіемъ смерти.

„Вишневый садъ“ — это вся Россія: на веселой вечеринкѣ у Гаевой, собрались всѣ слои города и деревни. Дворяне, купцы, старые дворовые, деревенскіе интеллигенты въ лицѣ неудачника Епиходова, дѣвушки Дуняши. Тутъ и студентъ Трофимовъ, бѣднякъ изъ нищей семьи, проживающійся кое какъ уроками и до 27 лѣтъ еще не успѣвшій осилить университетскій курсъ. Ему прошлого не жаль. Онъ ничего не унаследуетъ. Тутъ помѣщикъ Симеоновъ-Пищикъ, поражающій своей энергіей въ поискахъ ничтожныхъ суммъ для уплаты процентовъ, и за отсутствіемъ знаній, не подозревающій тѣхъ богатствъ, которыя скрыты въ нѣдрахъ его имѣнія и которыя достанутся англичанамъ. Тутъ и почтовый чиновникъ, и начальникъ станціи, и босякъ, такъ неожиданно и нагло смутившій *dolce far niente* владѣльцевъ „Вишневаго сада“ и всѣхъ деревенскихъ знакомыхъ собравшихся полежать на только что скошенномъ сѣнѣ, поговорить о возвышенномъ... въ то время, когда уже назначенъ въ городѣ аукціонъ на 22 августа и имѣніе будетъ продано — съ молотка.

„Вишневый садъ“ — это трагическая симфонія, родившаяся въ душѣ Чехова, звучащая нѣжной мелодіей Шопена, возбуждающая тихій шелестъ покорной скорби, — медлительнаго осенняго увяданія.

Это трагедія обреченныхъ: милыхъ, хорошихъ, культурныхъ людей не приспособленныхъ къ суровой борьбѣ за существованіе. Чеховъ почувялъ ихъ гибель, объяснилъ ея причины, заглянулъ и въ будущее, и тихія слезы, сокрытыя въ душѣ, оросили каждое слово, каждый жестъ, каждое ихъ движеніе.

Въ этой трагедіи „недотепами“ является не только студентъ Трофимовъ, тутъ и новый купецъ-дѣлецъ, подчинившійся обаянію дворянъ, тутъ и конторщикъ Епиходовъ, — полунинтеллигентъ, еще не справившійся съ литературной рѣчью, но уже обиженный, самомнящій, чучело гороховое, толкующее о Боклѣ и „направленіяхъ“.